

**ПРОБЛЕМА АЛЛЕГОРИИ В СОВРЕМЕННОМ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ**

**THE PROBLEM OF ALLEGORY IN MODERN LITERARY
CRITICISM**

О. Ф. Жилевич

O. F. Jilevich

Полесский государственный университет

Пинск, Беларусь

Polessky State University

Pinsk, Belarus

e-mail: jilevitch@gmail.com

Статья посвящена анализу актуального в современном литературоведении понятия аллегории, его определению, типологии, признакам.

Ключевые слова: аллегория; жанр; философско-аллегорический роман; контекст; парадокс.

The article is devoted to the analysis of the allegory in modern literature, its definition, typology, features.

Keywords: allegory; genre; philosophical and allegorical novel; context; paradox.

Аллегория – одна из самых древних литературных малых форм, которая существовала в одном ряду с притчей, афоризмом, апологом, анекдотом и т.д. Несмотря на развития и трансформации, которые она претерпела на протяжении веков, аллегория остается легко узнаваемой в современных произведениях. В зарубежном литературоведении один из наиболее ранних теоретиков иносказательных форм, К. Джилли, характеризует её как двухплановый иносказательный прием. Современный учёный Н. Фрай определяет аллессию следующим образом: «В аллегорическом повествовании действие постоянно отсылает читателя к другой одновременной структуре событий или идей, или природных явлений; аллегория «говорит» одно, а означает совсем другое» [5, с. 22]. Аллегория, по его мнению, это «ряд ассоциаций в повествовательной последовательности, обозначающий другой ряд ассоциаций во временных или паравременных последовательностях; короче говоря, это сложная повествовательная метафора» [5, с. 73].

В русскоязычном литературоведении по мнению В.П. Бурчака, чтобы понять аллессию, её необходимо противопоставлять мифу, метафоре, символу и она связана с неразличимостью общего и особенного [1,

с. 5]. Аллегория обладает двойственной природой (поэтической и логической) и обнаруживает некое обобщенное понятие через образное выражение, а также в этом плане выступает как основа межтекстовых связей.

А.Г. Терехова в статье «Категория аллегии в античной риторике и современной лингвостилистике: общее и различия» утверждает, что у Квинтилиана аллегория – это чисто языковое явление, тогда как в современной традиции аллегория представлена не только в языке, но является и элементом культуры.

Несмотря на широкое использование аллегии в качестве поэтического приема в разные эпохи развития национальных литератур, до сих пор остаются многочисленные неразработанные вопросы.

Цель настоящей статьи – дать определение понятию аллегии, выстроить типологию и охарактеризовать её признаки.

Вопрос, относится ли аллегория к жанру или нет, достаточно спорный. По мнению Н. Фрая, в чистом виде аллегория как жанр встречается крайне редко. Если черты аллегии пронизывают всё произведение, то оно является аллегорическим. Если аллегория проявляется лишь на некоторых уровнях повествования, то следует говорить о чертах аллегии в романе, рассказе, драме и даже диалоге, – полагает ученый. Он также считает аллегию одним из наиболее продуктивных структурных элементов философского романа.

Н. Фрай, сравнивая специфику функционирования аллегии в произведениях немецкого писателя XX века Ф. Кафки и английского поэта XVI века Э. Спенсера, приходит к выводу, что их методы построения ряда ассоциаций вокруг одной идеи (Закона) являются подобными. «Оба позволяют своим читателям обладать чем-то большим, чем словесное описание или определение. Идеи не ограничиваются каким-либо одним контекстом, временным или вымышленным; в ходе аллегии они становятся более грандиозными и более многомерными, чем любое интеллектуальное определение или какое-либо одно изображение в аллегии» (здесь и далее перевод автора), – пишет ученый. Как и в средневековой аллегии, основное направление иносказательного действия обычно обозначается с первых строк произведения. Например, в «Превращении» (*Die Verwandlung*, 1912) Ф. Кафки физическое превращение Грегора Замза в жука происходит в самом начале повествования. В романе парадоксальная ситуация разворачивается в двух направлениях: трансформация героя приведет либо к большей свободе, либо к концу свободы. Жук, пойманный в ловушку в одной комнате, находится всего в нескольких шагах от жука, прикрепленного к футляру для образцов. Аллегория трансформации персонажа в жука может толковаться как

ожидание прогресса, а затем его разрушение в результате серии фрагментированных инцидентов.

Дж. Клиффорд ссылается на явно несовместимые тенденции, проявляющиеся в повествовательной форме многих аллегорий. Эти несовместимые тенденции относятся «к повторению структурно подобных инцидентов, которые производят эффект неподвижности, и к некоему крупномасштабному движению, которое предполагает возможность радикальных изменений» [3, с. 33]. Исследователь объясняет, что эти парадоксальные тенденции проистекают из того факта, что большинство аллегорий стремятся к двойному эффекту. «С одной стороны, аллегорист хочет создать или отразить воображаемую модель вселенной, или психики, или сил, действующих в человеческом обществе <...> [с другой стороны] показать его интерес к прогрессу» [3, с. 110]. Аналогичная значимость действия так же важна для современного аллегориста, как и для его средневекового предшественника, поэтому повторение таких мотивов, как путешествие, поиски собственного «я», с акцентом на прогрессивную эволюцию, образование и просвещение героев.

Дж. Клиффорд полагает, что все литературные произведения по своей природе имеют определенные ограничения в интерпретации, и утверждает, что некоторые «великие аллегории», такие как у Г. Спенсера и Данте, на самом деле не являются жесткими формами. «Эластичность и пространство для художественного маневра через оттенки смысла обеспечиваются не только воображением читателя, его «сильными мыслями», его собственным опытом и памятью, но грандиозностью и загадкой типичных понятий» [3, с. 92]. Учёный полагает, что именно сравнительная недоступность аллегории для широкой публики ставит особые проблемы как для читателей, так и для критиков.

В функциональном плане аллерию можно определить как способ рассуждать о бытии. Она существует как своеобразная форма исследования многочисленных теорем жизни, как универсальный способ мышления о любом предмете или явлении, уже сформулированных мифологией Космоса.

Аллегорический способ отражения действительности в философско-аллегорическом романе ироничен. Ироничность повествования проявляется в повторении двойных сюжетов и идентичностей, трансформаций и метемпсихозов. Л. Бруссар находит аллерию особенно полезной для изображения в иронической форме современной общественно-политической ситуации. «Иносказательная форма не подразумевает стерильный, абстрактный или нерелевантный подход, но позволяет пересмотреть объективные нормы опыта и, по-видимому, хорошо подхо-

дит для исследования конкурирующих стилей жизни и убеждений» [2, с. 56], – пишет он.

В своей работе «Американская драма» Л. Бруссар заявляет, что «искусство в двадцатом веке развило сомнительное отношение к идеологиям прошлого, и что это привело к развитию драматического типа повествования, более аллегорического, чем любой, со времен средневековья» [2, с. 58]. По его мнению, американские драматурги создают пьесы, в которых вовлекают героев в действие, подходящее для проблем всех людей в этот период. Таким образом, подразумевается универсальность проблем, а также то, что универсальность может указывать на наличие аллегории. Аллегорическая тема о человеке двадцатого века, путешествующем в смятении этого периода, является объединяющим элементом, который до сих пор появлялся в американской драме.

Таким образом, на современном этапе аллегория существует в разных литературных жанрах: романе, повести, рассказе, поэме, пьесе и т.д. Аллегория в данном случае представляет собой не единичный троп, а представляет собой повествование, организующее все произведение целиком, элементы которого содержат символические значения, лежащие в основе его второго значения. Наибольшее распространение получила жанровая разновидность философско-аллегорического романа. Аллегорию следует определять с точки зрения ее природы и цели. Для неё характерны:

- многоуровневость и способность к наращиванию подтекстовой информации. Аллегория обладает буквальным или поверхностным уровнем, а также внутренним планом выражения;

- аллегория часто имеет ироническую и сатирическую природу;

- аллегория служит как для решения психологических, «внутренних» конфликтов персонажей, так и для отражения социально политических споров. Аллегория – ангажированная литературная форма;

- аллегория использует персонификацию, но гораздо более тонко и косвенно, чем средневековая аллегория;

- аллегория необходима для рассмотрения универсальных тем, при этом универсальность является основным уровнем смысла.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бурчак, В.П. Аллегория и ее функции в русской поэзии 1870-х годов автореф. дис. ... канд. ист. наук : 10.01.01 / В.П. Бурчак. – Новокузнецк, 1998. – 28 с.
2. Broussard, L. American drama: Contemporary allegory from E. O'Neill to T. Williams / L. Broussard. – Norman: University of Oklahoma Press, 1962. – 162 p.
3. Clifford, G. The transformations of allegory / G. Clifford. – London: Routledge & Kegan Paul, 1974. – 132 p.

4. Fletcher, A. Allegory: The theory of a symbolic mode / A. Fletcher. – Ithaca : Cornell University Press, 1964. – 152 p.
5. Frye, N. Northrop Frye On Twentieth-Century Literature / ed. Glen Robert Gill. – University of Toronto Press, 2010. – Vol. 29. – 464 p.

**КУЛЬТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ШЕКСПИРА:
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ САМОУБИЙЦЫ**

**SHAKESPEARE'S CULTURAL SOURCES:
MYTHOLOGICAL SUICIDAL HEROES**

Н. С. Зелезинская

N. S. Zelezinskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: zelezinskaya@bsu.by

В статье рассматриваются мифологические аллюзии на героев-самоубийц в произведениях Уильяма Шекспира и приводятся возможные источники, откуда Шекспир черпал знание о них. Наибольшее внимание уделяется «Метаморфозам» Овидия и мотиву самоубийства влюбленных. В статье приводятся некоторые тенденции жанрового характера использования данного типа аллюзий и особенности их семантики и аксиологии в текстах Шекспира.

Ключевые слова: Уильям Шекспир; мотив самоубийства; аллюзия.

The article discusses the mythological allusions to suicide heroes in Shakespeare's works and provides possible sources from where Shakespeare could have drawn knowledge about them. Most attention is paid to Ovid's "Metamorphoses" and Virgil's "Aeneid". The article presents some trends in the genre nature of the use of this type of allusions and some features of their semantics and axiology in Shakespeare's texts.

Keywords: William Shakespeare; the motif of suicide; allusion.

Значительное количество аллюзий у Шекспира связано с мифологическими самоубийцами. Он упоминает Геракла, Деяниру, Дидону, Нарцисса, Лавинию, Аякса, Пирама и Фисбу, Геро, Гекубу вне и в суицидальном контексте. Для определения индивидуально-авторского компонента в семантике, структуре и аксиологии мотива самоубийства важно хорошо знать традицию, всю литературную историю бытования данного сюжета и непосредственные источники Шекспира.

Обширная мифологическая «Библиотека» Аполлодора Афинского дает подробное изложение более тридцати самоубийств (Хирон, Кипа-